

**АННА
ЛИТВИНОВА**

**КОГДА
МИЛЛИОНА
МАЛО**

**МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
 vmirefiction

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Когда миллиона мало / Анна Литвинова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165315-6

Когда тебе семнадцать, а в стране разруха и голод, трудно поверить в предсказание цыганки: «Тебя полюбит миллионер». Но юная Богдана верит и отправляется искать свое счастье за границу. Она устраивается горничной в богатую итальянскую семью. Ее зовет замуж обеспеченный молодой человек. Однако очень скоро красивая сказка обращается в кошмар. Богдана отвержена, лишена возможности общаться с тем, кто ей дорог, но сдаваться не собирается. В ей жизни появляются новые страны, удивительные мужчины, необычные профессии и, наконец, счастье — вот оно, совсем рядом. Но только бывают ли сказочные финалы — в современной России?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN978-5-04-165315-6

Памяти Тани Поляковой

Роман основан на реальных событиях

ПРОЛОГ

— Сильва, вставай! — пробивалось издалека сквозь туман.

Накрылась подушкой, натянула поверх нее одеяло.

— Сильва, подъем! — Голос мачехи совсем над ухом. Руки холодные, пальцы цепкие. Разоряет ее гнездо, выковыривает наружу.

— Ну, пожалуйста! Пять минут еще!

Одеяло и подушку сорвала, швырнула на пол. Отдернула шторы, люстру врубилла во все шестнадцать лампочек.

Веки склеены. Пробуешь разлепить — словно горячий песок сыплот. Во сколько она уснула? Играть закончила в три утра. Потом еще вертелась. Переживала из-за проигрыша, продумывала стратегию на завтра.

— Сильва, уже половина восьмого!

Попыталась приподнять голову, не смогла, простонала:

— Пофиг.

— Да сколько это будет продолжаться! — Голос мачехи бьет прямо в мозг, сыплет булыжники на затылок. Ухватила ее за щиколотки, стягивает с кровати — руки сильные, в тренажерке нака-

чала. Сильва попыталась удержаться за изголовье, но пальцы соскользнули. Грохнулась на пол, ушибла пятую точку. Заорала:

— Да отвали ты от меня!

— Что ты сказала, дрянь?

— Что слышала! Не смей меня трогать, сука!

Еще полгода назад терпела, но в последнее время подумала: чего молчать, если ее оскорбляют?

Мачеха взъярилась окончательно. Вцепилась в предплечье когтями (больно, останутся царапины), вlepила с размаху пощечину. Глаза у Сильвы сразу разлепились, накатила ярость. Девушка примерилась и от души лягнула некровную родственницу в коленку. Получилось удачно — та отлетела.

— Сейчас еще врежу, — пообещала.

Но мачеха честной драки испугалась. Вопит:

— Игнацио! Помоги! Твоя дочь меня избивает!

— О, Матерь Божья, — простонала Сильва.

Очередное утро в любящей, блин, семье.

Отец явился немедленно — уже при галстукe, волосы блестят от геля, ремень тщетно пытается удержать огромное брюхо.

Мачеха бросилась к нему — хромает показательно, руки заламывает, словно заштатная драматическая актриса:

— Она ударила меня! Она посмела меня ударить!!!

— Сильвия. — Отец сузил глаза. — Ты потеряла разум?

Все детство от его ледяного тона сердце в пятки уходило. А недавно вдруг осенило: «Да чего его бояться? Придурок! Бочонок на ножках! И предатель».

Она бесстрашно приблизилась, ткнула под нос предплечье — царапины, нанесенные противницей, эффектно сочились кровью. Набычилась, буркнула:

— Скажи этой своей... пусть не трогает меня. Тогда и я ее трогать не буду.

Отец молчал, жевал губы. Похоже, примерялся — как ударить побольнее, но чтобы без следов. Сильвия бросилась к письменному столу, схватила ножницы, оцетинилась:

— Только тронь. Глаз выколю.

— Кого мы вырастили! — взвыла мачеха. — Давай полицию вызывать!

Девушка отбросила ножницы. Да, что-то совсем понесло ее с недосыпа. Надо назад отыграть, извиниться. Признать, что виновата, допоздна засиделась за компом. Объяснить: сложно вставать в семь, когда поспала только три часа. Попросить: она прогуляет два первых урока. А завтра — как штык подскочит. Сама. По будильнику.

Но едва успела начать: «Ну, ладно, короче», — отец оборвал:

— Одевайся. Собирай манатки. И вон отсюда.

Сильва опешила:

— Куда?

— Куда хочешь. К наркоманам. К бездомным. Под мостами с ними ночуй. Или вообще утопись. Будет лучше. Для всех.

— Э, Игнацио... ты уверен, что правильно поступаешь? — мачеха взглянула с сомнением.

— Я устал, — отрубил он. — Каждое утро одно и то же. Скандалы, вопли. Пусть проваливает. Я хочу пожить в тишине.

— Сильва, — мачеха смягчила голос, — ну, давай поговорим, как взрослые люди. Неужели ты не понимаешь? Миллионы людей во всем мире не высыпаются. Но они все равно встают, идут в школу, на работу.

— Ладно, — буркнула дочь. — Схожу я в вашу долбаную школу. Ща быстренько соберусь.

Но отца окончательно сорвало с катушек.

Жирным брюхом навалился на ее стол, выдергивает из компа провода. Злорадно оповещает:

— До Пасхи поживешь без гаджетов! Без игрищ своих безумных!

— Это ведь целых две недели! — взмолилась она.

А он — лэптоп под мышкой — еще и ее мобильник схватил.

— Совсем сбрендил? — заорала она. — Как я совсем без связи?

— Кнопочный дам, — злорадно усмехнулся отец.

— Да пошли вы оба! — взорвалась Сильва.

Почему всем одноклассникам повезло? У тех семейные ужины, вместе домашнюю пасту делают, в настолки играют, ездят на пикники. А у них — сплошные претензии да ругань. А если вдруг без скандала сидят все трое за столом, за готовой пиццей — всегда молча, каждый в свой телефон уткнулся.

Она схватила школьный рюкзак. Демонстративно, на пол, вывалила из него учебники. Распахнула шкаф. Начала, почти без разбору, набивать теплыми вещами.

— Игнацио, — нервно заломила руки мачеха, — она действительно сейчас уйдет. У нас будут неприятности.

Но отец лишь презрительно усмехнулся:

— Куда она денется? Есть захочет — вернется.

И Сильве больше ничего не оставалось — только рюкзак на плечи и на прощанье, от души, шарахнуть дверью.

ДАВНО

Богдана родилась в Кувшинино, между Тверью и Торжком, в деревянном домишке. Официально считалось поселение городом, но все жители называли деревней. Каменные дома только в центре, где памятник Ленину, а чуть отойди — грязь непролазная, фонари разбиты, за колбасой — в Москву.

Жили втроем: бабушка, мать да внучка.

Мужчин в семье не имелось.

Дед погиб на Второй мировой. У мамы в паспорте штампы о браке стояли. Но родной Богданин отец замерз по пьянке, а отчим пять лет получил за кражу и сгинул на зоне.

Мама с бабушкой всегда притворялись, что им и самим нормально. Но Богдана-то видела: ничего хорошего. Денег вечно нет. Краны текут. Дрова заготовить — проблема. Восьмого марта только жалкий цветочек с работы. Поэтому сама хотела настоящую семью. Как на плакате «Госстраха», что в сарае висел: новенькие «Жигули», рядом с авто мужчина в импортном блейзере, при нем женщина в платье вельветовом, нарядно одетые ребяташки, а на заднем плане дача двухэтажная.

Мать над ее мечтой хохотала:

— Мужа она богатого хочет! Где его взять, да еще в Кувшинино? Блатные на своих женятся. Лейтенанта до генерала растить? Всю жизнь провозишься, а он в отставку майором уйдет. Начальниками только дети начальников становятся.

Богдана расстраивалась, бабушка утешала:

— Ты у меня принцессочка!

И читала на ночь красивые сказки — про Золушку, про Ассоль.

Мама язвила:

— Старую деву вырастишь!

Бабушка тихо сердилась:

— Она еще ребенок! Пусть мечтает!

Хотя девочка рано понимать начала: на самом деле принцев нет. В Кувшинино точно. Парни, едва в подростковый возраст входили, сразу пить начинали, курить, мат через слово. Если свой мотоцикл имеется — уже герой, девчонки хвостом ходят.

Но однажды — было тогда Богдане тринадцать — остановила ее цыганка. Предложила:

— Давай погадаю.

Школьница вздохнула:

— У меня денег нет.

— Не надо денег. Так скажу. — Взяла ее руку, поизучала и взглянула с уважением. — Ох, какая у тебя необычная жизнь будет! Миллионер, красавец, иностранец замуж будет умолять выйти. А ты откажешь.

Пьяная цыганка, что ли?

На дворе стоял 1987-й. Январский пленум ЦК КПСС уже состоялся, обновление всех сторон

жизни страны объявили. Люди болтали о грядущих переменах, бабушка запоем читала только что разрешенных «Детей Арбата» и «Белые одежды», мама смотрела «Шестьсот секунд»¹, но в целом как было в Кувшиново болото, так и осталось.

А гадалка усмехается:

— Рожу не криви. Знаю, что говорю. И границы откроются, и миллионеры появятся. Они всегда на обломках.

— Каких еще обломках?

Предсказательница воздела грязный перст с ярким облупившимся лаком:

— Скоро беда начнется. Не будет такой страны Советский Союз. И партии коммунистической не будет.

— А куда ж оно денется?

— Все кувырком полетит. Заводы встанут. Деньги в бумажки превратятся. Много людей погибнет, ты близкого человека потеряешь. И только через бубнового короля спасешься.

У Богданы еще тысяча вопросов: кто умрет, мать или бабушка? С матерью у нее отношения так себе, а бабулю жалко. И как король бубновый выглядеть будет?

Но цыганка больше ничего не сказала — что за интерес забесплатно стараться?

Богдана с девчонками постоянно гадала — на картах, на кофейной гуще, — поэтому к пророче-

¹ Передача на Ленинградском телевидении. Выходила с 1987 по 1993 год и считалась одним из символов перестройки.

ству отнеслась со всей серьезностью. Немедленно бабушке бросилась докладывать.

Та поджала губы:

— Чего слушаешь всяких дур? С чего бы Советскому Союзу рушиться? Семьдесят лет стоит и еще тысячу продержится.

— Так перестройка! Ветер перемен!

Но старуха отмахнулась:

— Поболтают — и по-старому станет. Много раз так было. То НЭП, то кукурузу вместо хлеба растили. А потом все назад возвращалось.

Когда живешь в Кувшиново, действительно трудно в перемены поверить. Это в Москве с Питером и митинги, и доллары купить можно, и «Мерседес» на улице увидеть.

А у них только кооперативное кафе открылось на главной площади. Богдана с подружками заглянули: скатерти белые, известная на весь город хамка-официантка вместо грязного халата в белой наколочке. С кислым видом говорит входящим «Здравствуйте». А шашлык десять рублей порция! Хотя на рынке килограмм хорошей свинины по два пятьдесят.

Ну, и в школе событие. Трое десятиклассников объявили: выходят из ВЛКСМ. Билеты комсомольские на стол, взносы платить отказались. Раньше бы выгнали отовсюду с треском, а сейчас ничего, сошло.

Но в их семье ничего не менялось. И бабушка Богдану настраивала: «Хочешь принца — учись. Езжай в Москву, поступай в институт. И там себе выбирай — студента перспективного, лучше со столичной пропиской».

Богдана корпеть над учебниками ленилась и хотела в музучилище — с детства обожала петь. Голос приличный, а с корочками вообще куда угодно возьмут — хоть в хор, хоть в ресторан.

Но бабушка считала: вздор. «Звезд» только богатые любовники зажигают, а по кабакам петь для блатных — верный путь в пропасть. Убеждала Богдану готовиться в институт, где мальчиков много: автодорожный или строительный.

Впрочем, консенсуса (модное нынче слово) достичь не успели.

В 1991-м, когда Богдана училась в девятом, предсказания цыганки начали сбываться — да насколько стремительно! Инфляция, путч, пустые полки в магазинах, безденежье. Мамина швейная фабрика встала. Бабушкину пенсию задерживали, и купить на нее можно было все меньше. Историю КПСС пригвоздили, историю СССР переписывали. Школьные учителя выглядели растерянными. Вместо того чтоб — как в советские времена — вlepить «пару», неприкрыто тушевались от наглых вопросов: «Зачем нам — сейчас — ваша алгебра?»

Богдана искренне не понимала: в чем смысл с трудом поступать в институт, пять лет голодать на стипендию, а потом — как все учителя, врачи, инженеры — сидеть без зарплаты?

Вон, мать с дипломом, правда, техникума, — и что?

Пока социализм, была при деле. Местком, профком, курсы кройки-шитья, на выходные в дом отдыха от работы. А сейчас совсем поте-

рялась. И выход нашла простой — каждый вечер успокаивала себе нервы над рюмочкой.

Богдана алкашей терпеть не могла и очень мамашу презирала. Бабушка тоже злилась, отнимала у дочери едкого цвета ликеры и разведенный сиропом из варенья сомнительный спирт. Заставляла смотреть Кашпировского. Заказывала наложенным платежом заговоры от пьянства. Водила кодироваться.

Но мать бралась за ум от силы на пару дней. Потом снова начинала скулить, что ей тошно, добывала где-то выпивку и глупо хохотала в ответ на бабушкины укоры.

Однажды в очередной раз крепко выпила, заснула — а утром нашли ее мертвой. От вскрытия бабушка отказалась, в свидетельстве о смерти написали, что сердечная недостаточность, но соседи болтали: спиртом «Рояль» отравилась. Он в Кувшинино многих погубил.

Внучка с бабушкой стали выживать вдвоем. Сначала с огорода пытались кормиться, но много ли выжмешь с трех соток? В итоге старуха решила открыть бизнес.

Каждый день поднималась в несусветную рань, бежала занимать очередь в булочной. Покупала по тридцать батонов хлеба, приносила домой в пластиковой клетчатой сумке. Днем вместе с Богданой фасовали — нарезали целлофан, оборачивали каждую буханку, склеивали утюгом. А вечерами, когда магазины закрывались, пожилая женщина отправлялась на торговлю. Возле автобусной остановки, на перевернутых ящиках, собирались ста-

рухи и продавали всякую всячину, от гвоздей до галош. Бабуля пробовала расширять ассортимент. Варила варенье, пекла пирожки, но быстро усвоила: хлеб — товар самый ходкий. Еще вобла неплохо шла, а лучше всего алкоголь. Но со спиртным она не связывалась. Боялась — после смерти дочери — покупателей погубить. Да и рэкет — тоже новая реальность — только к тем цеплялся, кто с водкой. Старушек с хлебушком благородно не трогали.

Богдана рвалась помогать в торговле, но бабушка не пускала:

— Дома сиди! Вечерами на улицах плохих людей много.

Не перестроилась еще. Надеялась, что внучка горбатиться над учебниками будет.

Но Богдана уроки не учила принципиально, с трудом перебивалась с двоек на троечки. С директором, чтоб не выгнал за неуспеваемость, они договорились на бартер. Нынче в самодеятельность художественную по доброй воле никого не заманишь, а Богдана обязалась участвовать во всех концертах. Жалко, что ли, — если петь ей все равно нравится? Дома тоже постоянно себе под нос мурлыкала. И грезила о принце. Ну, или хотя бы о богатом спонсоре.

Предсказание цыганки про миллионеров ведь тоже сбылось. Даже в тихом Кувшинино нынче богачи появляются. Ревут двигателями иностранных автомобилей, блестят золотом, шуршат пачками купюр.

Бабушка новых хозяев жизни на дух не переносила, но у Богданы малиновые пиджаки, ко-

роткие стрижки и золотые цепи на бычьих шеях отторжения не вызывали.

Давно бы попробовала замутить, как сейчас говорили, баунти с кем-то из деловых, да бабушка устроила настоящую психическую атаку. Впрямую не отговаривала, зато очень часто таскала на кладбище. Сама возилась внутри родной оградки, сажала цветы на маминой могилке, но Богдану помочь не просила — отправляла пройтись, воздухом подышать. Та шлялась по аллеям, разглядывала памятники, высчитывала, кто сколько прожил, читала эпитафии. У стариков — скучища, кресты деревянные. Но очень много появилось свежих могил из дорогого гранита-мрамора. Улыбались с них сплошь молодые лица. «Ты смотришь с камня и молчишь. И в смерть твою поверить невозможно...»

Некоторых она знала — городок у них небольшой. В основном парни, конечно. Но частенько вместе с подругами расстреливали.

Расплачиваться жизнью за мимолетное богатство обидно, тут бабуля права. Да и жениться новые русские не стремились — предпочитали гарем себе завести.

Вообще никаких перспектив в стране: работать негде, замуж не за кого. А государство продолжало прижимать, закручивать, и все чаще в разговорах кувшининцев звучало: «Надо отсюда сваливать». Границы открылись, паспорта выдают свободно, валюту можно купить.

Сын соседки, очкастый «ботаник» (бабушка все уши пропела), английский выучил и в Аме-

рике пристроился, вожатым в скаутском лагере. Другие знакомые отыскивали дальних-предальных немецких родственников и отправились воссоединиться с семьей. А соседка наездами в Турцию гоняла. Привозила оттуда товар, потом торговала на рынке. Богдана попробовала подлизаться: «Не нужна ли помощница?» Но та отбрила:

— Вложишь деньги в дело — поехали вместе. Все ходы-выходы покажу.

— А сколько надо?

— Триста долларов.

Сумма заоблачная! Богдана сникла. Но пути, чтобы свалить, продолжала искать. Однажды в местной газетке увидела крошечное строчное объявление: «Работа для красивых девушек в Италии! Интим исключен!» Классно. Италия. Это вам не Турция. Да еще без интима. Может, петь надо? Или фотомоделью? Вдруг возьмут?

Богдана считала: уродилась она не козьявой. На конкурсе красоты, конечно, не победить, да там и куплено все. Но если привести себя в порядок и нормально прикинуться, вид очень даже товарный.

К собеседованию готовилась тщательно. Наварила картошки, распарила над кастрюлей лицо. Заточила несколько спичек, безжалостно выдавила со лба прыщики, а с носа — черные точки. Волосы накрутила на бигуди. Со всех подруг собрала одежды — замшевые туфельки из московского магазина «Ле Монти» за целых двадцать долларов, вываренные в кастрюле джинсы, кофта с роскошным люрексом.

И вертлявый мужик, что отбирал кандидаток, даже никакого собеседования проводить не стал. Сразу сказал:

— Ты нам подходишь. Загранпаспорт есть?

— Подождите, — взволновалась Богдана. — Вы расскажите сначала, что делать-то надо?

— Да не работа — сказка! Отдых! Днем спишь или на море ходишь. А вечером — наряжаешься, красишься и в ресторане гостей-мужчин встречаешь.

— В каком смысле «встречаешь»? — насторожилась Богдана.

— У входа, — улыбнулся дядька. — Улыбаешься, меню показываешь, приглашаешь зайти. А потом сидишь рядом, коктейли вкусные пьешь, комплименты слушаешь. Консумация называется. Двадцать процентов от счета — лично тебе. Плюс одежда, косметолог, массаж бесплатно.

— Так я ж итальянского не знаю!

— А зачем тебе? Аморе, дольче вита, белло — больше не надо.

— С какой стати мужчинам вообще меня угощать — если ни секса, ни даже поговорить?

Вербовщик сладко улыбнулся:

— Да просто слабость итальянцы питают к русским девушкам. Любуются — как картиной красивой.

И давит, требует: договор, предоплата, загранпаспорт срочно делать.

— Мне еще восемнадцати нет! — отбивалась Богдана.

— Решим. Доверенность нотариальную оформим, — напирал дядечка.

Но не уговорил — сбежала. Не дура! Понятное дело: коктейлями тут не ограничится. Спать с мужиками тоже заставят. Проститутка — по нынешним временам, конечно, не самая презируемая профессия. Но вряд ли на подобной работе мужа найдешь. Да и ресурс слишком быстро тратится. К тридцати годам будешь как бабка выглядеть.

Но идея попасть в Италию Богдану захватила. Конкретных путей пока не видела, но готовиться начала. Впервые в жизни за собственные скромные деньжата купила не шмоточку, не косметику, а самоучитель итальянского. А у старенькой учительницы музыки выпросила богатство: пластинку с «Травиатой» в исполнении артистов Ла Скала и все тексты арий. Целыми днями слушала, подпевала, старалась в смысл вникнуть.

В 1992 году в России начала выходить газета «Из рук в руки». Богдана иногда покупала — поржать над рубрикой «Личные сообщения». Чего только не пишет народ! «Приму в дар авто в любом состоянии». «Меняю собрание сочинений Гоголя на новый пейджер». «Хочу ничего не делать и много зарабатывать». И объявления о знакомствах, как под копирку. «Ищу обеспеченного, со своей квартирой». Или сокращенно: «без м/ж п».

Интересно, хоть одна хищница таким образом миллионера нашла? Однако вскоре в «Из рук в руки» появилась вкладка международных объявлений. Это показалось уже интересней. Вырежь купон, заполняй, высылай — и твой текст опубликуют в любой точке мира. Почему бы не кинуть в итальянскую газету клич — что краси-

вая и хозяйственная русская девушка ищет себе супруга?

Богдана уже и текст составила — на итальянском.

Но прежде чем отправить, посоветовалась с бабушкой. Та насупилась:

— Ну, ответят тебе. А дальше что?

— Переписываться будем.

— А потом?

— В гости позову.

— К нам в Кувшиново?

— Ну, или сама поеду.

— На какие шиши?

— Накоплю... а может, итальянец оплатит.

— У незнакомого мужчины деньги брать?

А если маньяк окажется? Или из мафии?!

— Вот ты все-таки несовременная, — обиделась Богдана. — Все мои инициативы на корню рубишь.

Старушка улыбнулась печально:

— О твоём благе пекусь. Чтоб крылышки не обожгла.

— Что мне, до смерти в Кувшиново киснуть?

— Нет. Я нашла вариант, — вкрадчиво сказала бабушка. — Безопасный. В твоей любимой Италии.

— И чего молчишь? — взвилась внучка.

— Потому что не замуж. И не в содержанки. Работать там надо будет. Много и тяжело.

— А где работать?

— По хозяйству. Уборка. Или сиделкой с больными. Не кривись, не кривись! Да, не долще вита. Зато проверено: не «кидают». Паспорт не отбира-

ют. Деньги платят небольшие, но честно. Из Кувшинино уже четверо уехали.

— Почему я не знаю?

— Потому что вы, свистушки, грязную работу презираете. Только бы замуж да в фотомодельки. И потом на панели оказываетесь. А тут специально, чтобы бездельниц отсечь, ограничение по возрасту — старше тридцати.

— Значит, я не подойду, — вздохнула она почти с облегчением.

— А ты попробуй. Волосы в косу собери. Расскажи, что сама дом ведешь, борщи варить умеешь. Вдруг проскочишь? Собеседование завтра, в Доме культуры.

И Богдана пошла.

Народу на отбор — целая толпа гудит в коридоре. Разношерстная — девушки, тетки, бабки. Несколько мужичков даже затесались. В кабинет, где анкету надо заполнять, запускают по трое. Богдана заняла очередь, стала слушать, о чем народ говорит, и приуныла. Берут мало кого. Если дети маленькие, гонят сразу, молодых и безмужних тоже. Одну отправили за то, что зубов нет передних. Другая выскочила, щеки пылают, возмущается:

— Мотивации, сказал, у меня нет! А кто она такая, та мотивация?

Вот необразованная! Богдана и то знала.

Когда вошла в кабинет (вместе с двумя потертыми дамами), собеседователь, молодой, румяный парнишка, ей даже бланк анкеты не дал. Сдвинул сурово аккуратные бровки:

— Девушка, вы читать умеете? В объявлении черным по белому: кандидатуры старше тридцати лет.

Вроде сердится, но глаза не злые. Чего не попробовать? Улыбнулась сладко:

— Извините. Я просто подумала, что моя мотивация убедит вас закрыть глаза на возраст.

Он взглянул с интересом:

— А ты забавная. Ну, ладно. Расскажи. Что тебя мотивирует мыть унитазаы?

— Хочу денег скопить на учебу.

Тетки анкеты заполняют, поглядывают злобно.

А молодой человек Богдане новый вопрос задает:

— И на кого учиться хочешь?

Она продолжала заливать:

— Меня гостиничный бизнес интересует.

— Зачем для этого в уборщицы идти?

— Для затравки. Чтоб зацепиться. Потом в отель устроюсь горничной. Итальянский доведу до совершенства. А дальше в университет поступлю.

Тот взглянул с интересом:

— Ты итальянский знаешь?

— Уччу.

Тетки анкеты заполнили, сдали, парень, не глядя, кинул их бумажки в стопку:

— Позвоним, если подходите.

В кабинет следующие зашли, а он все с Богданой. Перешел на итальянский, спросил, сколько лет и какие хобби. Вторая часть вопроса явно с подвохом.

— Люблю пирожки печь. — Не соврала, под бабушкиным руководством и правда умела. — И пою еще.

— А мечта какая?

Бывалые мужики сразу видят, когда у женщины мечта всей жизни — замуж. Но этот, по счастью, пока не беркут — птенец. Главное, лицо честным сделать.

Она вспомнила интонации старенькой учительницы по музыке и ответила с придыханием:

— Мне бы так хотелось услышать «Травиату»! И чтобы обязательно Риккардо Мути за пультом!

— Это кто еще такой?

Ага, попался!

Она взглянула с укором — как, мол, можно не знать столь элементарных вещей:

— В Ла Скала главный дирижер.

Молодой беркут прыснул:

— Ну, ты острячка! Ладно. Заполний анкету.

— Возьмете, что ли?

— Не знаю пока, — отозвался он важно. — Но кандидатуру рассмотрим.

* * *

Молодой вербовщик по имени Мирон ей позвонил в тот же день. Почему — Богдана так и не поняла. То ли легенда сработала, то ли просто понравилась она ему.

Парень, хотя строил из себя тертого калача, до всевластного и наглого нового русского пока не дорос. Когда Богдана заполняла под его руководством бумаги на загранпаспорт, приобнял — вроде как случайно.

Она ему строго:

— Вы это зачем сделали?

Малиновый пиджак еще крепче к себе при-тянул бы, а этот сразу отпрянул. Хотя вроде при деньгах человек, по заграницам раскаты-вает.

С прочими кандидатками — без церемоний, покрикивал. Дистанцию четко обозначал: он начальник, они — дуры. А с Богданой — трепет-но, почти с уважением. Похоже, в ее легенду про университет поверил. Ох, лопух! Попросил бы принести аттестат — с одними сплошными троя-ками — и сразу бы все понял. Богдана даже стала раздумывать: может, романтику с ним закрутить? Попробовать замуж загнать? Но ее заводили му-жики мощные, наглые, а Мирон худенький, тон-кокостный, вежливый. Да и вожделенная Италия теперь совсем рядом, пьянит, манит. Лучше там попытать счастья.

Документы на выезд Мирон оформил ловко и быстро. Двух месяцев не прошло — уже и па-спорт, и виза, и легенда, что в турпоездку летят. Бабушка трепыхалась, пыталась даже телевизор продать — чтоб внучке денег в дорогу побольше. Богдана учила итальянский и практиковалась в уборке. Раньше самой грязной работы дома избегала, а тут впервые в жизни унитаза отдраи-ла. Дело оказалось не хитрым, но довольно про-тивным.

«Ничего, — успокаивала она себя, — долго в горничных не задержусь».

Мирон, правда, постоянно читал лекции: зо-лотое правило успешной домработницы — знать свое место. И русские девушки в Италии уже

успели занять не очень хорошую репутацию. Местные считают, будто каждая *дать* готова — за колготки и пару бокалов кампари. Есть целые отели, где селятся приехавшие из России — торгашки или просто искательницы приключений. И на вечерние дискотеки туда изо всех ближайших городков итальянские кобели едут. К огромному неудовольствию местных дам.

— Так что на улицу одни не суйтесь. Самцы прохода не дадут, а бабы — глаза могут выцарапать, — пугал Мирон.

Но Богдана не сомневалась: от надоедал она отобьется. И своего принца — непременно найдет.

Бабушка, когда прощались, плакала. Внучка притворялась, что тоже расстроена, а сама не чаяла, когда постылое Кувшинино наконец останется позади.

Еще на организационных собраниях поняла: с группой — а летело их человек двадцать — дружить не интересно. Все старше и типичные тетки. Худо одетые, усталые, с потухшими глазами. Похоже, действительно собирались остаток жизни в чужих домах унитаза мыть. За границей никто ни разу не был и в поездку собирались основательно, по-русски. Хвастались, что кипятильники с собой взяли, консервы рыбные, крупу гречневую. Самая прогрессивная — грудастая дама по имени Эльвира — щегольнула:

— А переходники у вас есть? Там розетки-то другие, нашу вилку не вставишь.

Но тетки выскочку прижали:

— Да запросто можно вставить, мы выясняли!
Срезать чутка, и влезет!

«Боже, что за мелочные, глупые разговоры!» — снисходительно думала Богдана. Лично она никаких кипяtilьников не брала — только палочку сырокопченой колбаски бабушка раздобыла и сунула в чемодан.

Всю дорогу до Москвы она притворялась, что спит (выехали, чтобы успеть к самолету, в два часа ночи), в общих разговорах не участвовала.

На самолете Богдана прежде летала единственный раз — из Домодедово в гости к тетке в Сыктывкар. Но международный аэропорт Шереметьево-2 оказался куда круче. Чисто, ароматы кофе и хороших лосьонов витают. Надписи на английском. Стюардессы холеные, словно фото-модели. Иностранцы. Магазины с матрешками. Только тетки на регистрации злые. Видно, от зависти, что все уезжают, а им бесконечно билеты регистрировать и счастливого пути желать.

И вот наконец заветная красная полоса на полу. Граница. Между бедностью и богатством, старой жизнью и новой.

Богдана робко коснулась черты носком туфли.

— Дзыгынь! — раздалось в ухо.

Она вздрогнула, дернулась. Мирон хохочет:

— Это сигнализация сработала.

— Там, что ли, уже Италия? — искренно удивился кто-то из группы.

— Дура! Там полоса нейтральная! — пропел «под Высоцкого» Мирон.

Богдана с удовольствием подхватила:

— ...а справа, где кусты, — наши пограничники с нашим капитаном, а на левой стороне — ихние посты.

— Гражданка, потише! — выкрикнула из будочки за красной чертой толстая тетка в погонах.

Богдана испугалась, притихла.

Еще ссадят с рейса в последний момент. Да и рано веселиться. Впереди — абсолютная неизвестность. Маленький чемоданчик, капитал в девяносто долларов (сотни, для круглого счета, они с бабушкой насобирать так и не смогли). Туристическая виза на месяц. Где она будет сегодня спать? Что есть? Или даже отдохнуть не дадут с дороги — сразу погонят мыть чей-то туалет?

Но переступили красный рубеж, в паспорт шлепнулся штамп о выезде — и страх сменился восторгом.

Полоса нейтральная оказалась вся усеяна сверкающими магазинами, бары подмигивали иллюминацией, даже газетный киоск на западный манер — на стеллажах, в открытом доступе, вода, газеты, жвачки.

В группе сразу оживились, стали обсуждать: много ли воруют? И сколько народу попадаются?

Мирон усмехнулся:

— Всех берут. Тут скрытых камер полно.

И обратился к своим подопечным:

— Предупреждаю сразу: в Италии еще хуже. Вроде товар в доступе открытом, никто не караулит, а на самом деле или заснимут, или человек добрый настучит. И прощай, Европа. Навсегда въезд закроют. И штраф еще влепят.

Будущие горничные сбились в кучку, внимая своему пастуху.

Мимо них текли расслабленные иностранцы. Новые русские в заграничных пальто поглядывали презрительно. Одна из теток (она все бары разглядывала) громко вскрикнула:

— Ой! Пиво! «Гиннесс» настоящий!

— Два доллара, — просветил Мирон. — Хочешь — иди покупай.

— Нет-нет, — перепугалась та.

— Я бы тоже выпила. Если ты угостишь, — улыбнулась Богдана.

Ей нравилось смущать Мирона (совсем молодого, но исключительно важного в своей миссии).

Поводырь запунцовел, нахмурился:

— Подождешь. В самолете тебе нальют. Бесплатно. Но не «Гиннесс». Чего попроще.

Богдана не отставала:

— А на ужин в пиццерию поведешь? В настоящую?

— Не ходи, Богдана, в пиццерию, там мафия, — ответил он модной в те годы присказкой.

— Обьедков из ресторана тебе дадут, — предрекла Эльвира.

Но Мирон загадочно улыбнулся:

— Нет, девочки. Сегодня мы гуляем. Я вас в честь приезда на ярмарке буду кормить. В Болонье.

— Что еще за ярмарка?

— Ну, павильоны, как в Москве на ВДНХ. И много ресторанчиков выездных. Креветки на гриле, та же пицца. Говорят, что лучшая в Болонье.

«Болонья! Как звучит!»

Просто не верилось, что в городе с подобным названием тоже есть грязные унитазы и заляпаные полы.

Побродить по дьюти-фри Мирон своим подопечным так и не дал:

— Ходите со мной, а то растеряетесь.

И даже в туалет повел скопом. Дамы там задержались. Ничего себе, даже в России цивилизация! Слив на фотоэлементах, вода идет — когда к крану руки поднесешь. Что же в Европе будет?!

Сначала ахали, потом долго-тщательно обновляли макияж. Когда вышли, от Мирона влетело:

— Сколько можно! Уже посадка! Ах, морды вы красили? Ну, ладно. В последний раз можно.

— Это почему в последний?

— Потому что горничная должна быть бесцветной. Иначе хозяйки вам быстро небо с овчинку устроят.

Эльвира пробурчала:

— Эх, надо было все-таки в стрип-бар вербоваться.

Долетели быстро, в самолете вкусно поели, выпили на халяву вина. Те, кто дымил, бегали в хвост, на места для курящих. На посадке дружно прилипли к иллюминаторам. Даже с высоты видно: Европа! Крыши аккуратные, дороги чистые. И ездят — сплошь иномарки! Правда, крошечные совсем.

Легенда Мирона (туристическая группа и жить будем в таком-то отеле) не понадобилась. Слепительный итальянский пограничник объял Богдану жарким взглядом и стрельнул певучей

тирадой — раза в три быстрее, чем на учебной аудиокассете.

— Che?¹ — растерялась девушка.

— Желает тебе счастья в его прекрасной стране, — пришел на помощь Мирон.

— Grazie mille!² — вежливо отозвалась она и изобразила европейскую улыбку.

А официальное лицо — вместо того чтоб шлепнуть паспорт на стойку — вручил документ лично в руки. И слегка задержал свою жаркую кисть на ее пальцах.

«Прав Мирон. Ухо остро надо держать. Хорошо, что я не на консумацию работать пошла».

Но если каждый хозяин (или его сын, брат, сват) начнет ее домогаться, наверно, еще хуже будет. Прав-то никаких нет. Даже виза — и та через месяц кончится.

Богдана, в толпе соотечественниц, шла по аэропорту, разглядывала публику, и черная зависть точила ей сердце. Ну, почему она родилась не здесь? Почему ее ровесницы — такие уверенные, потрясающе одетые? Стрекочат по-итальянски, обнимают своих кавалеров. И им не надо мыть туалеты, откладывая каждую тысячу лир³, бояться, что депортируют из страны?!

Прочие вырвавшиеся из России женщины пребывали в радостном возбуждении, а на Богда-

¹ Что? (*итал.*)

² Большое спасибо! (*итал.*)

³ По среднегодовому курсу 1993 года примерно 600 рублей. Хлеб стоил 300 рублей. Инфляция за год составила 840 процентов.

ну снизошло прозрение. Горестное. Никому она здесь не нужна. Прав Мирон: унитаза мыть доверят. На ночь — с удовольствием снимут. А в принцессы не возьмут. И еще очень обидно, что итальянский (не учебный, а тот, на котором здесь говорили) она почти не понимала.

— Чего скисла? — ткнула ее в бок Эльвира. — Заграница, красота! Ща на ярмарку поедем, пиццу жрать!

Их встретил автобус. Чемоданы запихали в багажный отсек, расселись. Покорительницы Италии прильнули к окнам. Ну, просто чудо, чудо! Прямо на улице цветы в горшках. Возле кафе на тротуарах столики, плетеные кресла, народ винцо попивает. Машины останавливаются, чтобы пешеходов пропустить. И от каждой витрины дух захватывает. То цельный поросенок в россыпи яблок, то манекены в платьях неопикуемой красоты.

А ярмарка, куда в итоге приехали, с виду и правда ВДНХ. Только павильоны в стороне, а на центральной площади веселье. Музыка, ароматы такие, что прямо хоть воздух режь и лопай. Посредине столы длинные, вокруг них очаги пылают, и там чего только не варганят повара в белоснежных колпаках! Пиццы всех видов, креветки на гриле, лапша удивительная, коричневая, рис непонятно с чем.

Мирон просвещал:

— Ризотто называется. А лапша — это вообще китайская, называется вок.

Еды набрали целую гору. Парень безропотно оплатил. Еще и вина принес, огромную пятили-

тровую бутылку. День весенний, воздух теплый, Мирон за всеми ухаживал, подкладывал, подливал, просвещал:

— Для пиццы приборы не нужны. Все итальянцы руками едят. А спагетти, наоборот, — их на вилку накручивать надо, в несколько слоев.

Дамы наелись, поддали. Разговоры становились все громче, смех визгливее. Богдана в общем веселье не участвовала. Сидела в дальнем конце стола, смаковала королевских креветок, разглядывала итальянцев — сюда, на ярмарку, целыми семьями приходили. Женщины чаще дородные, властные, на мужчин своих покрикивают. Те вроде слушают смиренно, но глазами так и шустрят по сторонам. И тараторят, тараторят все — с такой скоростью, что ни слова не разберешь.

Мирон наконец закончил с ролью распорядителя. Подошел к ней. Спросил:

— Чего приуныла?

Она ответила честно:

— Сложно мне будет в итальянской семье.

Поводырь присел рядом:

— Поэтому и не хотел тебя брать.

Богдана осторожно спросила:

— А кто решает, где я работать буду?

— Мы сегодня ночью переедем в Козенцу, это восемьсот километров отсюда. Там у меня помещение снято. Домохозяйки тамошние знают, что завтра заезд, со всех ближайших городов поедут себе помощниц выбирать. Посмотрели друг на друга, пообщались, понравились обоюдно — контракт подписали.

— Значит, я тоже могу выбирать?

— Конечно, можешь! Я в бизнесе давно. Подскажу, к кому тебе точно не надо.

Он подумал секунду и добавил:

— А хочешь, вообще не ходи на смотрины. Я девочек пристрою, и вместе вернемся в Москву. Ничего мне должна не будешь.

— Мирон, — она захлопала ресницами, — ты такой чудесный!

Может, не искать счастья за тридевять земель, но остаться с ним, таким милым, добрым?

Но тогда ведь точно не встретишь итальянского миллионера из предсказания цыганки.

И Богдана покачала головой:

— Нет, Мирон. У меня есть цель. Мотивация. Я не могу: даже не попробовать — и сразу сдаться.

Не от души говорила, но он поверил. Взглянул с восхищением, грустно сказал:

— Конечно, Богдана. Я сразу понял: слишком мелко для тебя плаваю. Ты другого полета птица.

«Ничего ты не понял».

Но отыгрывать назад было поздно.

* * *

Никого из товарок не смутило, что только с утра прилетели, время позднее, а впереди еще ночь в дороге. Поворчали для приличия, поскидывали обувь, развалились в креслах, да и захрапели.

Богдана сидя спать не умела и ночь в автобусе еле пережила. То проваливалась в сон, то выныривала. Водитель — с виду итальянец — лихачил,

как новый русский. Сумасшедше разгонялся, резко тормозил. Шоссе петляло, извивалось, вино с криветками бултыхалось в желудке.

На рассвете въехали в Козенцу, но море и чаек Богдана увидела только краем глаза — автобус сразу свернул на окраину, попетлял и остановился подле унылого трехэтажного здания. Выглядело оно, пожалуй, даже уродливее, чем подобные в России. И внутри тоже никакого намека на заграницу — обычная общага.

Расселили их по четыре человека в комнате — стены голые, штор нет. Мирон велел: пока отдыхать, но к трем быть во всеоружии.

Целую речь толкнул: что судьба будет решаться. И день сегодня даже важнее, чем смотрины у родителей жениха. Нужно, чтобы тебя купили, а для этого — выглядеть милой, работающей, исполнительной. И скромной, обязательно скромной.

Пугал:

— Кто напялит лосины, сразу штраф!

И тетки — нет бы самим поспать и ей отдохнуть дать — все утро галдели, перебирали чемоданы, искали подходящие шмотки.

Но все равно нарядились на невольничий базар, как в провинциальный ресторан. У одной белые штаны и блуза с бантом, у другой юбка (спереди разрез почти до пупа) и бархатный пиджак.

Мирон пришел в ярость. Бегал по комнатам, надрывался:

— Я сказал: неприметно! Неярко! А вы что напялили?!

Богдана тоже про себя хихикала. Сама она надела единственные свои джинсы (черные) и безразмерный свитер бабушкиной вязки. Волосы заплела в косу, глаза красить не стала. Мирон взглянул одобрительно, переодеваться не погнался. Но все равно пришлось ждать, пока остальные пройдут фейсконтроль. Бедные будущие горничные смывали тушь-подводку, а Мирон лично перетряхивал чемоданы, ловко вылавливая самое неприглядное.

— Чего уродок из нас делаешь? — причитали тетки.

— Не нравится — могу тебя на порностудию продать, хочешь? — огрызался он и кидался на грудастую Эльвиру: — Куда, куда ты свой пятый размер обтянула? Быстро снимай облипку, ищи что-нибудь свободное!

Богдана устроилась на подоконнике в коридоре и завела:

— Подмосковный городок,
Липы желтые в рядок,
Подпевает электричке
Ткацкой фабрики гудок!¹

Кто уже был одет, песню подхватили — но получилось без оптимизма. Тоскливо, по-бабьи.

Эльвира — обряженная в безразмерный балахон — с отвращением отвернулась от зеркала, буркнула:

— Да уж лучше б я в России на фабрику подалась!

¹ Стихи Михаила Танича.

— Приватизируют скоро все фабрики, — заверил Мирон, — людей на улицу вышвырнут. А тут Европа. Стабильность. На свою зарплату семью сможете содержать.

Тетки притихли. У всех дома полна коробочка нахлебников — только закидывай корм. Детей надо поднимать, родителей немощных поддерживать.

Богдане посвободней — бабушка велела:

— Ничего слать даже не думай. Вообще про меня забудь, я не пропаду. На себя откладывай. Может, правда в музучилище поступишь. В итальянское. А потом и в Ла Скалу возьмут — хоть в пятый ряд хора.

Богдана ни в какое училище идти больше не собиралась. Замуж и безо всяких дипломов возьмут. А еще — ей Мирон рассказал — можно на круизный лайнер устроиться. Путешествуешь по всему миру бесплатно, днем гуляешь, по вечерам — поешь в ресторане, питаешься на халяву и зарплату получаешь. Неплохой запасной вариант — если принца найти не удастся.

«Но главное сейчас — в Италии застрять». Туристическая виза закончится через месяц, и грядущее нелегальное положение Богдану очень тревожило.

* * *

В три часа пополудни Мирон наконец вывел своих подопечных на улицу. Автобуса не подали, но идти оказалось недалеко — всего пара кварталов. Вывеска на входе в одноэтажный дом обеща-

ла пиццерию, но внутри помещение выглядело советской столовкой, только без всякой еды. Голые стены, пластмассовые столы-стулья. Мирон велел:

— Рассаживаемся каждая за свой стол, по одной! Юбки одернули, ногу на ногу не кладем!

Он обошел свое стадо и вручил всем по распечатанному листочку. Богдана немедленно взялась переводить. Имя. Возраст. «Non fumo»¹.

— Богданка! — крикнула Эльвира от соседнего столика. — А «пулита» — это кто такая?

— Не знаю. Наверно, быстрая. Как пуля.

— А «опероза» что значит? Петь, что ли, заставят?!

Подлетел Мирон, фыркнул:

— Ох, дремучие! «Опероза» — работающая. «Пулита» — аккуратная.

— Как общаться-то будем с хозяйками, если мы по-ихнему ни в зуб ногой? Хоть поможешь? — возмущалась Эльвира.

— Вас двадцать, я один. Школьный английский вспоминайте. Но его здесь тоже не особо знают.

К счастью, вышло не настолько страшно. Итальянские работодательницы горничных из России явно выбирали не в первый раз. Минимально объясниться по-русски могли. «Водка не пить, мужиков не водить, технику не ломать».

Но экзотика тоже встречалась. Богдане — вот уж настоящий рынок невольниц! — толстая, одышливая бабища рукой в рот полезла. Девуш-

¹ Не курю (*итал.*).

ка перепугалась, начала отбиваться. Мирон при-
мчался на помощь, перебросился с работодатель-
ницей парой фраз, успокоил:

— Хочет зубы твои проверить.

— Зачем?

— Вдруг плохие?

— А ей-то что?

— Как что? Стоматологи в Италии дорогие.

— А медицину разве она оплачивает?

— Нет, конечно. Потому и боится. Когда зуб
болит, от горничной толку мало.

— Фу, гадость какая. Я сама к такой работать
не пойду.

Богдана отвернулась от противной тетки.

Разочарование нарастало. Из российского да-
лека иностранцы представлялись такими утон-
ченными, породистыми, приятно пахнущими.
А на деле — рыночные торговки. Интонации ба-
зарные, голоса скрипучие. Каждая вторая с уси-
ками. И одеты безвкусно, почти по-цыгански.

Собственная бабушка — хотя тоже нынче на
рынке стояла из-за тяжелых времен — выглядела
куда интеллигентнее.

— Зря ты ее прогнала, — хмыкнул Мирон, —
она пятьсот тысяч лир предлагает.

— Это сколько?

— Почти триста пятьдесят долларов¹.

— Ничего себе! — опешила Богдана.

— Но работать надо без выходных. И ночью
вставать. У нее мать в маразме.

¹ Курс по состоянию на конец июля 1996 года.

— Не, тогда точно не хочу.

Он предрек:

— Другие и за двести припашут. На то же самое. — И отошел.

В столовке-пиццерии становилось все душнее, тетки-работодательницы источали тяжелые цветочные ароматы, от визгливых, неприятных голосов у Богданы начала трещать голова.

Все чаще вспоминала она предложение Мирона — остаться с ним — и все привлекательнее оно казалось. Не нужна ей такая Италия.

Но тут — будто небеса услышали отчаянный глас — к ее столу подошла немолодая пара. Вот эти выглядели настоящими иностранцами, точно как в кино. Сухощавый джентльмен при галстукке. Далеко не юная, но потрясающе холеная дама в кокетливой шляпке. У него в руке трость с серебряным набалдашником. У нее на пальцах бриллианты.

Богдана инстинктивно подобралась, распрямилась, сложила паинькой ручки на коленках, опасливо улыбнулась, в смущении пробормотала:

— Бонжорно!

Пара замедлила шаг, обменялась репликами. Богдана услышала:

— *Ancoга una ragazzina*¹.

Богдана знала, что девушка по-итальянски *ragazza*. А *ragazzina* — понятно, малявка совсем.

Она решительно произнесла по-итальянски:

— Я не рагаццина, мне девятнадцать лет.

¹ Совсем девочка (*итал.*).

Респектабельные супруги переглянулись.
Синьора пробормотала:

— *Rischioso*¹...

«За кобеля своего боится», — догадалась Богдана.

И как на чужом языке объяснить, что не собирается она чужого мужа отбивать? Тем более у джентльмена — уже старческие пятна и лысинка проглядывает.

— У меня есть принципы, — пробормотала она.

Синьор с синьорой переглянулись — похоже, не поняли.

Ладно, объясним популярнее:

— Дома, в России, у меня остался муж!

— Правда? — заинтересовалась дама и раздельно, словно для тупой, произнесла: — Вы знать английский?

— Да, немного знаю, — смутилась Богдана.

— Говорите лучше на нем. Я не понимаю ваш итальянский.

Вот это обидно. Но что поделаешь. Попробуем вспомнить английский — училка в школе доставучая была, кое-что в голову вбила.

— *I have a husband! And I love him a lot. But you know, the situation in Russia is difficult. We can't afford a baby. So I came here to make some money to realize our dream!*² — вдохновенно импровизировала Богдана.

¹ *Рискованно (итал.).*

² У меня есть муж. И я очень его люблю. Но вы знаете, ситуация в России сейчас сложная. Мы не можем позволить себе ребенка. Поэтому я приехала сюда заработать для своей мечты денег! (*англ.*)

Пара напряженно вслушивалась в ее неуверенный монолог. Подошел Мирон, уловил, о чем речь, удивленно присвистнул. Она сделала страшные глаза.

Выдавать ее он не стал — в заграничных паспортах штампов о браке все равно нет. Присел за столик, побеседовал с благородными синьорами на быстром и пока непонятном ей итальянском. Потом озвучил Богдане условия:

— Дом громадный — тысяча квадратных метров. Ежедневная уборка. Стирка. Глажка. Сложная бытовая техника. Если сломаешь, будешь платить штраф. Жить в одной комнате с кухаркой. Помогать ей готовить. Выходной раз в месяц. Каторга. Четыреста тысяч.

— Это сколько?

— Двести шестьдесят долларов. Очень мало.

— Зато они не галдят и не смотрят мне в зубы! Скажи им: я согласна!

— Богдана, помнишь, что я говорил тебе вчера? Надо идти к хорошим, проверенным хозяевам. А эти вообще не из этих краев. Кто знает, что они за люди?

— Они хотя бы интеллигентные, — отрезала Богдана. — Наверняка в оперу ходят. В отличие от остальных здешних деревенщин.

— О чем вы говорите? — властно вмешалась в разговор синьора.

Богдан объяснил:

— Она мечтает сходить в Ла Скала и посмотреть на этого, как его там... Рикардо Мути.

Итальянцы переглянулись.

— Какие-то настораживающие амбиции, — проскрипела дама.

Ее пожилой спутник примирительно произнес:

— Зато выгодно. Вместо премии можно подарить девушке билет на галерку. Милан от нас недалеко.

— Вы приехали с другого конца страны? — удивился Мирон.

— Случайно получилось. Мы посещали Акри¹, и хозяйка местной гостиницы рассказала про ваш бизнес, — объяснил джентльмен. — А нам как раз нужна горничная.

* * *

Богдана всю жизнь прожила в частном доме. В детстве бегала на улицу в туалет и ужасно боялась случайно в выгребную яму заглянуть — вдруг оттуда выглянет что-то ужасное?

Но со временем обжились. Сделали теплую уборную, поставили бойлер. Комната у Богданы всегда отдельная была. Пусть несолидные восемь метров, зато собственные, украшай как хочешь, и за бардак никто не ругает.

Подруги жили похоже, и не факт, что хрущевка с низкими потолками и шумными соседями лучше, чем их деревянный домик. А в элитарных

¹ Акри — город в провинции Козенца, расположенный на трех холмах в долине рек Муконе и Каламо на границе национального парка «Сила». Эта территория была обжита людьми еще в эпоху неолита (3500–2800 гг. до н.э.).

обкомовских квартирах Богдана сроду не бывала — не приглашали.

Роскошь видела только по телику.

Мирон — когда обрисовывал будущую работу — рассказывал: итальянцы, конечно, просторнее живут, чем в России. Но обычный стандарт — квартира площадью метров в сто.

А тут вдруг у людей особняк. Трехэтажный! Девятнадцатого века постройки.

— Мне повезло? — спросила Богдана у Мирона.

Тот нахмурился:

— Не знаю. Я проверил: вроде нормальные у тебя хозяева. В криминале, ни в чем таком не замешаны. Но тут, на юге, народ попроще. Поорут, из ружья пальнуть могут. Не со зла. А ты-то на север поедешь. Озеро Комо, город Менаджио. Там аристократия. Фиг знает, что у них за скелеты в шкафу.

Но Богдана упорствовала:

— Лучше аристократы, чем эти цыганки.

Респектабельная пара подписала с Мироном контракт, забрала себе Богданин паспорт.

Девушка забеспокоилась:

— А если меня на улице остановят? Как без документа?

— Это не совок. Здесь не проверяют.

— Но я не хочу без паспорта!

— Богдана, это обычная схема, — принялся объяснять Мирон. — Твои хозяева уже оплатили — перелет, мои услуги. Когда отработаешь все это — паспорт тебе вернут. А если понравишься

им — они сами тебе визу продлят. Или даже рабочую сделают.

Увидел, что она совсем повесила нос, подбодрил:

— Не волнуйся. Это в эскорте — использовали и выкинули без гроша. А хороших горничных ценят. Не обижают. Только свое место не забывай. — Он вздохнул и прибавил: — Хотя не твой это путь — быть домработницей.

— Но у меня план!

Мирон отмахнулся:

— Хреновый у тебя план. Лучше бы со мной осталась.

И церемонно пожал руку на прощание.

А Богдана взяла чемоданчик и пошла к машине своих новых хозяев.

Неплохо. «Мерседес»! Синьор (сказал называть его «просто Марио») навстречу не вышел. Зато багажник зажужжал и распахнулся сам собой. Она уложила свои вещи. Вот это техника!

Богдана проскользнула на заднее сиденье и сложила руки на коленях.

— Пристегнись, — велела синьора (ее звали Пирина).

Во глупость! В России даже на переднем сиденье нормальные люди ремешки только через плечо перекидывают, а здесь сзади нужно.

Она с трудом нашла ремень, и «Мерседес» как бешеный рванул с места. Богдана заглянула вперед, на спидометр. Ничего себе, уже сто километров в час! А скорость вообще не чувствуется. Кожаные сиденья приятно холодят попу,

музыка из множества колонок, звук нежный, объемный.

И Богдана — хотя дала себе слово глупых вопросов не задавать — ляпнула:

— Скажите, а вы точно не мафия?

Рафинированная Пирина сразу неодобрительно губы поджала. Но глава семьи рассмеялся:

— Не бойтесь, Богдана. Я обычный инженер. — Перехватил ее недоверчивый взгляд и уточнил: — Но родители оставили мне неплохое наследство.

Богдана надеялась — раз едут с юга, от итальянской « подошвы » вверх по всему голенищу, — красоты разные повидать. По пути (или почти по пути) Неаполь, Рим, Флоренция. Но увы — никто ее развлекать не собирался. Даже Милан объехали какими-то закоулками. Больше тысячи километров проделали в один день. Работодатели сразу дали понять, кто здесь главный. Сами в дороге то и дело перекусывали — лопали салями, лосося копченого, заедали оливками (судя по запахам, витавшим в машине, все дорогущее). Богдану элитной пищей не угощали — кормили сэндвичами с заправок. Когда ближе к вечеру заехали в городок Чезена, Марио с женой отправились ужинать в ресторан на площади дель Пополо. А новоиспеченной горничной купили в уличной лавке пиццу, бутылку воды — и посоветовали прогуляться, фонтан Мазини посмотреть. Она послушно бродила вокруг, грызла пиццу, разглядывала прихотливые скульптуры дельфинов, грифонов и отчаянно завидовала парочкам,